

Георгий Стариков

# Мнемосина



Георгий Стариков

**Мнемозина**

«Автор»

2026

## Стариков Г.

Мнемозина / Г. Стариков — «Автор», 2026

Ноксум - город, протыкающий небо чёрными шпильями. Здесь никогда не восходит солнце, туман сочится из стен, а люди давно перестали быть морально людьми. В этом мире лоска и гнили, балов и подворотен, живёт Екатерина Морнивальс - дочь барона, наследница древнего рода и блестящий химик, предпочитающая бальным платьям лабораторные колбы, а менюэтам - фехтование с капитаном стражи. Но однажды в её дом являются инквизиторы Чёрной стражи - древнего ордена, что стоит на границе между миром живых и миром мёртвых. По праву призыва, которому не может отказать даже королевская семья, Екатерина должна вступить в их ряды. Её ждёт Цитадель Вечного Огня, где старая архиинквизитор, умеющая превращаться в летучую мышь, печёт печенье с корицей и говорит загадками. Но главное испытание ждёт её не в книгах и не в тренировочных залах. Получив письмо из дома, где семья ждёт нового ребёнка. Она чувствует боль. «Ты - Лич. Ты либо овладеваешь смертью, либо смерть овладевает тобой. Третьего не дано».

© Стариков Г., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

# Георгий Стариков

## Мнемозина

### Глава 1

Город протыкает небо не шпилями - клыками. Чёрный камень, из которого он сложен, не знал солнца даже в карьерах: его добывали в копиях, куда свет не заглядывал никогда, и потому каждый блок, каждый замковый камень, каждая горгулья на водостоке хранят в себе холод бездны. Шпили эти - острые, игольчатые, уходящие в низкое брюхо туч - не венчают соборы, а скорее высасывают из небес последнюю надежду на просвет. Они стоят так плотно, что горизонт превращается в частокол, в челюсть, сомкнутую над городом.

Туман здесь не погодное явление - он постоянный жилец, въевшийся в самую ткань бытия. Он не приходит с реки - он сочится из стен, выползает из подвалов, стекает по водосточным трубам густыми, молочными языками. Вдыхая его, человек вдыхает не влагу - взвесь чьих-то невысказанных проклятий, испарения фабрик, где варят не мыло, а нечто иное, и дыхание сотен тысяч лёгких, давно забывших, что такое чистый воздух. Местные не кашляют - они хрипят, будто в горле у каждого застрял комок сырой ваты. Туман этот желтоват, густ на вкус, отдаёт гарью и сладковатым тленом. Он стирает расстояния и заглушает крики.

В Ноксуме люди давно перестали притворяться. Лоск здесь - лишь тонкая корка на гниющей ране, и она трескается при малейшем прикосновении. Жестокость стала не пороком, а валютой, привычкой, способом скоротать вечер. На улицах бьют не кулаками - тростями с железными набалдашниками, бьют расчётливо, целя в кость. Дети играют не в салки, а в «висельника» - вешают кошек и хохочут, глядя, как те дёргаются в петле. Сострадание здесь - болезнь, от которой избавляются кровопусканием.

Боль пропитала каждый камень. Фабричные гудки воют не к смене - они оплакивают тех, кто упал в чан с кипящим щёлоком и теперь сам стал мылом. В работных домах старики дробят кости на удобрение и не поднимают глаз, потому что узнают в осколках соседа по нарам. На площадях, под самыми высокими шпилями, стоят позорные столбы, но к ним не привязывают - на них насаживают. Вороны Ноксума - жирные, лоснящиеся, наглые - не улетают даже при виде человека. Они знают: человек сам принесёт им пищу.

Нравственное чувство атрофировалось, как мышца, которую никогда не напрягали. Любовь здесь понимают как обладание с правом порчи. Верность - как страх уйти. Доброта - как слабоумие. В каждом взгляде, брошенном на ближнего, читается прикидка: на что ты годен? Сколько фунтов мяса с тебя можно срезать, пока ты ещё дышишь? И никто не называет это злом. Зло требует моральной системы координат, а в Ноксуме её нет. Здесь есть только сила и слабость, хищник и корм, шпиль и тело, летящее с него в туман.

Над городом, говорят, никогда не восходит солнце. Не потому, что его закрывают тучи, а потому, что само светило брезгает смотреть на то, во что превратилось его творение. Но если взглядеться в этот вечный сумрак, отсеяв пелену и прищурившись, можно разглядеть, что Ноксум разделён - не стеной, но пропастью иного рода. Там, где шпили стущаются в каменный лес, где чёрные иглы пронзают низкое небо особенно густо, земля вздыбливается холмом, и на нём, подобно венцу на гниющем зубе, высится анклав Великих Дворцов.

Они построены из того же камня, что и всё вокруг, но здесь ему придана форма торжествующего безумия. Фасады вздымаются на немыслимую высоту, отрицая саму идею горизонтальности. Колонны - витые, пузатые, оплетённые каменным плющом - поддерживают фронтоны, на которых застыли барельефы: не боги и не герои, а сцены охоты, где дичью служат существа, подозрительно напоминающие людей. Окна - высокие, стрельчатые, забранные свинцовыми

переплётками - горят по вечерам не тёплым светом очага, а холодным, химическим сиянием газа, и кажется, что внутри не танцуют, а препарируют сам свет. У каждой двери - чугунные фонари в виде скелетов, держащих в рёбрах масляные плоски, и пламя в них колыхается от сквозняков, которых нет.

Здесь живут те, кто носит титулы, выкованные из той же жестокости, что и сам город, только очищенной, возведённой в закон. Из труб этих дворцов идёт дым, но он не пахнет деревом или углём - он пахнет мускусом и железом. По брусчатке, отполированной до зеркального блеска, катят экипажи с гербами, и гербы эти изображают не львов и орлов, а ухмыляющихся пауков, скорпионов, свернувшихся в кольцо змей. Здесь боль не кричит - она улыбается, прячась за кружевным веером или золотым лорнетом. Здесь жестокость - искусство, отточенное до изящества менуэта.

Но стоит покинуть холм, стоит спуститься по извилистым, залитым нечистотами переулкам, как город проседает, будто гнилой зуб под пломбой. Туман становится гуще, жёлтее, он уже не стелется - он чавкает под ногами. Это Область - даже не окраина, а изнанка города, куда сбрасывают всё, что мешает великолепию шпилей.

Здесь дворцы уступают место лачугам. Одноэтажные, реже - вздувшиеся гнилым горбом второго этажа, они лепятся друг к другу, как больные, жмущиеся к телу матери, давно умершей. Стены их сложены не из камня - из чего придётся: трухлявого дерева, битого кирпича, корабельной обшивки, ржавых листов железа. Крыши - горбатые, крытые мхом и плесенью, местами провалившиеся внутрь, словно впалые щёки старухи. Окна затянуты бычьими пузырями или попросту заткнуты тряпьем, и сквозь щели сочится не свет, а удушливый чад жаровен.

Внутри этих нор нет комнат - есть закуты, отгороженные грязными занавесками. Люди здесь не живут - они копошатся, как черви в трупе. Дети спят вповалку с крысами, старики умирают, прислонившись к стене, и тела их остаются сидеть, пока соседи не растащат одежду. Здесь боль не улыбается - она воет, хрипит, выдавливает из глаз последнюю влагу. Здесь жестокость не искусство, а рутина: муж бьёт жену не со зла, а потому что так заведено; мать продаёт дочь не из нужды, а потому что такова цена за вход в эту юдоль.

И над всем этим - от золочёного шпиля до вросшей в грязь лачуги - стоит один и тот же туман, один и тот же камень, одна и та же боль. Только наверху она носит бриллианты, а внизу - язвы. И никто не скажет, где гниль глубже.

От Области, где грязь уже не смывается ни дождём, ни слезами, дорога ползёт вверх. Она делает это нехотя, словно сама земля сопротивляется, не желая поднимать путника из низин к высотам. Сперва исчезают лужи - их сменяет брусчатка, грубая, выщербленная, потом и она уступает место мостовой, выложенной ровными, плотно пригнанными плитами. Воздух, всё ещё жёлтый от тумана, становится суше, холоднее, в нём проступает металлический привкус - так пахнут деньги, когда их слишком долго пересчитывают в запертой комнате.

Фонари здесь выше, стройнее, и пламя в них горит не масляной копотью, а ровным, почти неестественным светом - говорят, фитили пропитывают особым составом, привозимым из колоний за морями, где люди с кожей цвета обсидиана поклоняются змеям. Шпилей становится больше, они теснят небо, переплетаются, как пальцы, сложенные в замок, и вот уже сквозь их частокол проглядывает он - дом Морнивальсов.

Семь этажей чёрного камня, отшлифованного до глянцевого блеска, вздымаются над улицей утёсом, на который цивилизация нанесла резьбу. Это не здание - это манифест, высеченный в камне: мы здесь, мы были всегда, мы будем, когда ваши кости станут удобрением для наших роз. Фасад оплетён каменной виноградной лозой, но листья её - не листья вовсе, а сложенные крылья нетопырей, а гроздь - черепа, скалящиеся в вечной усмешке. Между окон, высоких, стрельчатых, забранных частым свинцовым переплётком, ютятся горгульи. Они здесь не для отвода воды - дождевые трубы спрятаны в стенах, - а для красоты, если можно назвать

красотой эти скрюченные, оскаленные фигуры. Каждая своя: одна, с головой козла и телом старухи, прижимает к груди младенца без глаз; другая, помесь волка и богомола, застыла в прыжке, вытянув когтистые лапы к окну напротив; третья - просто ухмыляющаяся тень, которой скульптор забыл придать форму, но сохранил выражение.

Над парадным входом, нависая тяжёлым каменным веком, распластался дракон, или василиск, - пойми этих ваятелей, - чья пасть разверзнута в беззвучном шипении. Дверь под ним - двойная, чугунного литья, с ручками в виде змей, кусающих собственные хвосты. Ступени перед ней - десять, по числу кругов ада в старинных фолиантах, - вытерты посредине тысячами шагов, но не человеческих: сюда не ходят пешком, сюда подъезжают в экипажах или, в дурную погоду, просто материализуются из тумана, как и положено местным аристократам.

Внутри дом гудит тишиной особого рода - не пустотой, а сытостью. Шесть этажей над головой и один под землёй, где кухни, кладовые и комнаты прислуги, живут своей жизнью, как корни у дерева. Лестница вьётся через весь дом спиралью, и перила её - кованые, в виде переплетённых тел, - холодеют под ладонью, будто вытягивая тепло. На площадках стоят часы с маятниками в форме косарей, и каждый час они не бьют - выдыхают, словно уставший человек опускается в кресло.

Но мы не будем бродить по всем семи этажам. Поднимемся на третий, в малую гостиную, где сейчас, в этот самый час, сидит семейство Морнивальс - все, кроме одного, того, кто ещё не вернулся из патруля.

Глава семьи - лорд Арчибалд Кристиан Морнивальс, барон Ноксумский и окрестных земель, владелец трёх фабрик, двух рудников и одного очень старого долга, о котором он не говорит даже на исповеди. Ему пятьдесят три, но выглядит он на все шестьдесят: годы в этом городе идут быстрее, особенно когда носишь титул. Волосы его, когда-то угольно-чёрные, теперь цвета пепла, собраны в хвост старомодной лентой. Лицо - карта пережитых зим, с глубокими складками у рта и складками у глаз, но складки эти отнюдь не от смеха. Глаза - тёмные, как остывший кофе, - смотрят на мир с выражением вежливого отвращения. Он сидит в кресле у камина, не зажжённого, ибо туман и без того душит, и вертит в пальцах перстень с сапфиром, не замечая, что камень треснул.

Напротив, на канapé, обтянутом тканью цвета запёкшейся крови, полулежит леди Изольда Клементина Морнивальс, урождённая фон Штерн. Ей сорок семь, но тело её помнит тридцать: талия стянута корсетом до хруста, плечи оголены по последней моде, а шея - длинная, белая, с голубой жилкой у ключицы - обвита бархоткой с камеей. Камея изображает плачущую иву над могилой. Волосы цвета мёда, ещё не тронутые сединой, уложены в высокую причёску, и в ней, словно паук в паутине, сидит бриллиантовая заколка. Леди Изольда смотрит в окно, но видит там не туман и не шпили - она видит своё отражение, и оно ей не нравится. Она вообще мало чему рада, эта женщина, разве что чашке чая с каплей настойки опия и редким письмам от кузины из провинции, где, говорят, ещё светит солнце.

Третий - вернее, третья - и есть главная героиня. Екатерина Изольда Морнивальс, двадцати пяти лет, единственная дочь, наследница состояния и родового проклятия, о котором пока не знает. Она сидит не в кругу семьи, а у окна, на жёстком стуле с прямой спинкой, и колени её прижаты к груди, а подбородок лежит на коленях. Поза ребёнка, которому давно пора вырасти, но мир не даёт. Волосы тёмные, как у отца, но мягче, вьются у висков и падают на лоб непослушной прядью. Глаза - странного, болотного оттенка, - смотрят в туман с выражением не мечтательным, а напряжённым, словно она силится разглядеть там нечто, скрытое от прочих. Пальцы её теребят край рукава, на котором - слева, у запястья - маленькое, почти незаметное пятнышко. Чернильное. Или кровавое. Поди разбери.

Четвёртый - капитан стражи, лучший друг и защитник, - сейчас не в гостиной. Он на улице, в конюшне, переобувает коня после ночного патруля. Имя его - Калёб Айронвуд. Тридцать два года, рост под два метра, плечи, в которые можно запрячь телегу, и лицо, будто выруб-

ленное топором из хорошего, честного дуба, но сломанный нос и шрам через бровь делают его не уродливым, а внушительным. Он носит мундир городской стражи - тёмно-синий, почти чёрный, с серебряным галуном - и саблю не парадную, а боевую, с зазубриной у гарды. Кaleb не благородных кровей, он сын кузнеца, но в этом доме он свой уже десять лет, с тех пор как лорд Морнивальс вытащил его из петли уличной драки и сделал сначала стражником, потом капитаном, а потом - тенью своей дочери. Он любит Екатерину, как любит старый пёс, которому когда-то дали кров и миску, но любовь эта безмолвна и обречена, и он знает это.

И наконец, собачка. Не пёс, не собака - собачка. Миледи. Белая, пушистая, с глазами-бусинами, помесь болонки и чёрт знает чего. Она лежит на коленях у Екатерины, свернувшись клубком, и дышит часто-часто, как заводная игрушка. Миледи стара - ей одиннадцать, по собачьим меркам глубокая старость, - но всё ещё звонко тявкает на горничных и гоняет во сне невидимых крыс. Шерсть её, некогда белоснежная, теперь желтовата от вездесущего тумана, а на левом ухе - залысина, след давнего ожога. Как и когда она его получила, в доме не говорят, но Екатерина каждый вечер гладит этот шрам кончиком пальца, и лицо её при этом становится не по годам старым.

Вот они, четверо плюс одна душа на пушистых лапах. Молчание в гостиной густое, как патока. Часы на каминной полке - не те, с косарями, а маленькие, золотые - тикают, но звук этот не разбивает тишину, а лишь подчёркивает её. Каждый думает о своём, и мысли эти так далеки друг от друга, как шпильи Ноксума от его подвалов. Но что-то зреет в воздухе, что-то уже сорвалось с невидимой ветки и летит к этому дому, на третий этаж, в малую гостиную, где люди, ещё не подозревая, ждут своего часа.

В малой гостиной, меж тем, время текло на два голоса.

Первый принадлежал лорду Арчибальду и леди Изольде. Они говорили вполголоса, но не из осторожности - просто так, шёпотом, здесь обсуждалось всё, что имело вес. Дело, о котором шла речь, касалось восточных фабрик: на одной из них, ткацкой, случился бунт. Работницы, существа без имени и возраста, переломали станки и выбросили челноки в реку. Причина - урезанный паёк и шестнадцатичасовой рабочий день. Лорд Морнивальс называл это не бунтом, а недоразумением, и сейчас диктовал супруге текст письма к управляющему - тон письма был холоден, как скальпель, и так же точен. Леди Изольда, поигрывая камеей, вставляла замечания: «Дорогой, не уволить, а заменить. Уволить пахнет признанием вины». И муж кивал, соглашаясь, потому что в делах жестокости она была много искусней его.

Второй голос был безмолвен. Екатерина читала.

Книга лежала у неё на коленях, вытеснив Миледи на соседнюю подушку, и собачка недовольно сопела, свернувшись калачиком у бедра хозяйки. Фолиант был тяжёл, в потрёпанном переплёте из телячьей кожи, и пах формалином - его привезли из анатомического театра при университете, куда девушкам вход заказан, но Екатерина нашла лазейку через старого библиотекаря, питавшего слабость к её любопытству. «Основы химического разложения органических тканей» - гласило тиснение на обложке, и пальцы её скользили по строкам с жадностью, какой не вызывали ни балы, ни вышивка, ни даже музыка.

Она читала о кислотах, разъедающих плоть до кости за считанные минуты. О щелочах, превращающих жир в мыло. О солях тяжёлых металлов, что оседают в печени и мозгу, сводя человека с ума прежде, чем убить. Глаза её, болотные, с золотыми искорками у зрачка, бегали по строчкам, а губы беззвучно шевелились, повторяя формулы. HSO. HgCl. CHOH. Мир за окном, туман и шпильи, мать и отец, их шёпот о бунте и расправе - всё отступило, смялось, как ненужная бумага, и осталась только химия, чистая, честная в своей безжалостности. Она не слышала, как часы на каминной полке пробили один раз, потом другой. Не заметила, как мать поднялась и вышла. Очнулась лишь тогда, когда дворецкий, старый Гримбл с лицом восковой куклы, возник на пороге и проскрипел:

- Завтрак подан, миледи. Господа ждут.

Екатерина вздрогнула. Книга едва не соскользнула на пол. Миледи твякнула, возмущённая толчком. Девушка захлопнула фолиант, прижала его к груди и поднялась, чувствуя, как затекли ноги. Время - удивительная материя: когда ты читаешь о том, как разлагается плоть, оно бежит быстрее, чем кислота прожигает ладонь.

Обеденный зал встретил их холодом. Не сквозняком - тот здесь не водился, - а холодом особого, церемониального свойства. Стол, длинный, на двенадцать персон, был накрыт на четверых: фамильный фарфор с гербом (паук, пожирающий змею), серебро, потускневшее от вечного тумана, хрустальные бокалы с ободками цвета ржавчины. Свечи в канделябре уже оплыли, хотя день едва начался - здесь всегда горели свечи, ибо свет снаружи не проникал сквозь свинцовые переплёты.

Лорд Арчибальд сел во главе стола. Леди Изольда - по правую руку. Екатерина - по левую. Место напротив неё пустовало, но прибор стоял: ждали капитана. И он не заставил себя ждать - через минуту тяжёлые шаги прозвучали в коридоре, дверь отворилась без скрипа, и Калев Айронвуд вошёл, пригнув голову под притолокой. Он успел переодеться: мундир свеж, сапоги начищены, но под глазами - синие тени ночного патруля.

- Прошу прощения, миледи, милорд, - пробасил он, занимая место. - Конь расковался.  
- К столу, капитан, - кивнул лорд Морнивальс. - Устрицы стыннут.

Завтрак проходил в молчании. Устрицы, поданные на колотом льду, исчезали одна за другой в глотках присутствующих. Леди Изольда ела изящно, двумя пальцами, не пачкая перчаток. Калев глотал, почти не жуя, как человек, привыкший к трапезе под открытым небом. Екатерина ковыряла свою порцию вилкой, мысли её всё ещё блуждали среди кислот и щелочей. Миледи, прибежавшая следом, устроилась под столом и тихо поскуливала, выпрашивая кусочек.

И вот, когда с устрицами было покончено, лорд Арчибальд промокнул губы салфеткой и заговорил:

- Екатерина.

Она подняла глаза. Отец редко обращался к ней за столом. Обычно их беседы сводились к кратким вопросам о здоровье да к поздравлениям с праздниками. Но сейчас тон его был иным - тяжелее, будто слова эти долго лежали под языком и наконец вызрели.

- Дочь моя, - продолжал он, вертя в пальцах треснутый сапфир, - тебе двадцать пять. Возраст, в котором твоя мать уже носила тебя под сердцем. Я долго ждал. Не давил. Полагал, ты сама выберешь партию. Но время идёт, и я вынужден говорить прямо: я подыскал тебе мужа.

Видишь ли, дитя, - он чуть наклонил голову, и свет свечей скользнул по его седым вискам, - лорд Винсент Блэквуд из северного предела. Двадцать восемь лет. Вдов. Состояние солидное, земли обширные, титул древнее нашего. Он видел тебя на прошлогоднем балу и с тех пор шлёт письма. Я дал предварительное согласие.

Екатерина положила вилку. Звук серебра о фарфор вышел резким, будто точка в конце приговора.

- Нет.

Одно слово. Короткое. Твёрдое. Леди Изольда поджала губы, но промолчала.

- Что значит «нет»? - брови лорда Арчибальда сошлись на переносице.

- То и значит, отец. Я не выйду за лорда Блэквуда. Ни за него, ни за другого. Пока не сочту нужным.

- Ты не понимаешь, - голос его стал ниже, с хрипотцой. - Это не прихоть. Это необходимость. Роду нужен наследник. Дела - продолжение. Я не вечен.

- Роду нужен не просто наследник, - Екатерина выпрямилась на стуле, и теперь в ней не было той сжавшейся у окна девочки; перед отцом сидела женщина с болотными глазами, в которых зажёгся опасный фосфоресцирующий огонь. - Роду нужен сильный наследник. А я не стану инкубатором для чужих амбиций.

- Екатерина! - леди Изольда наконец подала голос, и был он как струна, натянутая до предела.

Но тут вмешался капитан.

- Милорд, - произнёс он, и гулкий его бас перекрыл звон свечей, - дозвоьте слово.

Лорд Арчибальд перевёл взгляд на него. Тяжёлый, изучающий. Но всё же кивнул.

- Говори, Калёб.

Капитан поднялся. Он не имел права сидеть, когда говорил с патроном о таких вещах. Встал по стойке «смирно», хоть и без сабли, но плечи его были достаточно широки, чтобы не нуждаться в оружии.

- Я служу этому дому десять лет. И все десять лет я видел, как леди Екатерина растёт. Не просто хорошеет - растёт. Она знает химию на уровне университетских профессоров, и вы это знаете. Она фехтует лучше половины моих стражников. Верхом ездит так, что конюхи крестятся. Я сам учил её стрелять, и клянусь, она кладёт пулю в пулю с двадцати шагов.

Он перевёл дух. Леди Изольда смотрела на него с нечитаемым выражением. Лорд Арчибальд - с интересом, замешанным на сомнении.

- Но главное не это, - продолжил Калёб. - Главное - характер. Я видел, как она ломает гранит. Не фигурально, милорд. В буквальном смысле. Когда три года назад на неё напали в переулке, она не завизжала, не упала в обморок - она схватила камень и разбила нападавшему лицо. И потом ещё час диктовала мне описание второго бандита, пока первый лежал на мостовой без чувств. Такой характер нельзя запереть в спальне с колыбелью. Это всё равно что впрячь боевого коня в телегу молочника.

Он замолчал. Тишина в обеденном зале стала такой плотной, что Миледи под столом перестала скулить и насторожила уши.

Лорд Арчибальд молчал долго. Пальцы его теребили сапфир, глаза ушли куда-то вглубь, в прошлое, которое он не любил ворошить. Потом он медленно, будто нехотя, поднялся.

- Калёб, - произнёс он тихо, - ты куришь?

- Курю, милорд.

- Тогда пройдем в кабинет. Разговор не для дамских ушей.

Леди Изольда поджала губы ещё сильнее, но смолчала. Она знала: когда мужчины уходят к трубке, спорить бесполезно.

Они вышли - высокий, чуть сутулый лорд в графитовом сюртуке и огромный капитан в мундире. Шаги их прозвучали по коридору и стихли у дубовой двери кабинета.

В кабинете лорда Морнивальса пахло старым деревом, табаком и временем. Стены, обшитые тёмными панелями, уходили вверх на два этажа, теряясь в тенях, куда не доставал свет камина. Книжные полки громоздились до самого потолка, и фолианты на них стояли не рядами - гроздьями, как летучие мыши в пещере. В углу, на постаменте из чёрного мрамора, покоился человеческий череп с трещиной на темени - говорят, то был череп первого барона Морнивальса, и трещина эта получена при жизни, от удара булавой.

Лорд Арчибальд опустился в кресло у камина - то самое, с высокой спинкой и протёртыми подлокотниками, которое помнило ещё его отца. Калёб остался стоять, хотя в кабинете они были не господин и слуга, а двое мужчин, которых связывало три десятка лет.

- Садись, - бросил лорд, и капитан сел.

Хозяин дома выдвинул ящик бюро, достал две трубки - пенковые, старые, с выщербленными мундштуками. Протянул одну капитану. Достал кисет, и пальцы его, всё ещё тонкие, ловкие, набили обе трубки табаком. Табак был тёмный, почти чёрный, пах дымом и вишней. Они закурили, и первый клуб дыма поднялся к потолку, смешиваясь с тенями.

- Тридцать лет, - произнёс лорд Арчибальд, глядя в камин. - Тридцать лет назад я вытащил тебя из той драки у причала. Помнишь?

- Помню, милорд, - Калёб затянулся, и уголёк в чашечке трубки вспыхнул оранжевым. - Вы тогда сказали: «Этот мальчишка стоит десятерых». И дали мне место.

- Ты его оправдал, - лорд усмехнулся краем рта. - И сейчас оправдал. За столом. Ты говорил о ней, как адвокат в суде.

- Я говорил правду.

- Я знаю, - лорд выдохнул дым через нос, и тот пополз вниз, к полу, будто был тяжелее воздуха. - Потому и позвал тебя сюда. Не спорить. Слушать.

Он откинулся в кресле, и тени легли на его лицо глубокими складками.

- Этот Блэквуд... он мне не нравится, Калёб. Он скользкий, как уголь. Но его земли граничат с моими. Его рудники дают железо, мои - уголь. Вместе мы были бы монополией. А монополия в этом городе - единственная защита от тех, кто точит зубы на моё место. Ты знаешь, о ком я.

Калёб кивнул. Он знал.

- Но она не хочет, - продолжил лорд. - И ты прав. Характер. Я вижу в ней свою мать, а та была... - он осёкся. - Неважно. Суть в том, что я не стану неволить. Пока.

- Пока? - переспросил капитан.

- Пока она не даст мне повода думать, что её путь ведёт к гибели. Или к позору. Тогда я вмешаюсь. А до тех пор... - он затянулся, выдохнул. - Пусть будет так. Боевая подготовка, химия, всё это... Может, и к лучшему. Времена нынче такие, что и леди должна уметь стрелять.

Калёб молчал. Трубка его погасла, и он рассеянно выбил пепел в камин.

- Ты присмотришь за ней, - сказал лорд Арчибальд и это был не вопрос.

- Как всегда, милорд.

- И ещё... - лорд подался вперёд, и глаза его блеснули в свете камина. - Если она когда-нибудь узнает о том, что случилось с её... о том, старом деле... Это может сломать даже её гранит. Не допускай.

- Не допущу.

Они докурили молча. Дым слоился под потолком, как туман над Ноксумом. Двое старых друзей, связанных тридцатью годами службы, тайн и взаимных долгов, смотрели в огонь, и каждый думал о своём. А где-то наверху, в своей комнате, Екатерина уже снова раскрыла книгу по химии, и Миледи спала у неё в ногах, и туман за окном становился всё гуще, всё жёлтее, словно сам город замышлял нечто, о чём не говорят даже за трубкой в кабинете.

Калёб вышел из кабинета в облаке вишнёвого дыма, ещё цеплявшегося за мундир. Дверь за ним затворилась мягко, как закрывают крышку дорогого гроба, и он на мгновение задержался в коридоре, переводя дух. Разговор оставил во рту привкус табака и недосказанности, но главное он выяснил: лорд не станет неволить. Пока.

Он поправил портупею, привычным жестом проверил, легко ли ходит сабля в ножнах, и направился не в казармы, не в караульную, а вверх, по витой лестнице, туда, где третий этаж дремал в утреннем полумраке. Перила холодили ладонь - знакомый холод, старый друг. Он поднимался без спешки, но и без колебаний. После таких разговоров ему всегда хотелось увидеть её. Убедиться, что всё в порядке. Что пламя, которое он защищает, ещё горит.

Дверь в малую гостиную была приоткрыта. Он заглянул: пусто. Лишь книга в потёртом переплёте сиротливо лежала на подоконнике, заложенная лентой на странице, где речь шла о свойствах серной кислоты. Калёб усмехнулся в усы. Кислота. Конечно. Он двинулся дальше, к её личным покоям, и постучал костяшками пальцев в дубовую филёнку.

- Войдите, - раздалось изнутри.

Она стояла у окна, уже переодетая для тренировки: бриджи, заправленные в высокие сапоги, простая рубаха, корсет заменён на широкий кожаный пояс - не дань моде, а защита поясницы. Волосы собраны в тугий узел на затылке, открывая высокий лоб и линию челюсти,

доставшуюся от матери. В руке она вертела фехтовальную перчатку. Миледи, завидев капитана, приподняла голову с подушки, вильнула хвостом и снова уснула.

- Кaleb, - она улыбнулась уголком губ. - Отец отпустил тебя живым?

- Твой отец, - ответил капитан, привалившись плечом к косяку, - не так страшен, как ты малюешь. По крайней мере, когда в руке у него трубка, а не завещание.

Она рассмеялась - негромко, но искренне. Потом заметила взгляд Калеба, направленный на платяной шкаф в углу. Шкаф был старый, громоздкий, из тёмного ореха, украшенный резьбой в виде плакучих ив. Он стоял здесь столько, сколько Кaleb себя помнил. И он знал его историю.

- Помнишь? - спросил капитан, кивая на шкаф.

- Что именно? - Екатерина натянула перчатку на правую руку и принялась застёгивать ремешки.

- Как ты боялась монстра.

Она замерла. Пальцы остановились на полпути. Потом она медленно повернула голову к шкафу, и в глазах её мелькнуло что-то детское, давно забытое, словно отражение в старом зеркале.

- Мне было семь, - произнесла она тихо. - Или восемь. Я была уверена, что в этом шкафу живёт чудовище. Каждую ночь я слышала, как оно скребётся. Скулит. Дышит.

- И каждую ночь ты прибегала ко мне, - подхватил Кaleb, шагнув в комнату. - Стояла в дверях караульной, босая, с медвежонком под мышкой. Говорила: «Капитан, оно опять там».

- А ты отвечал: «Разберёмся».

- И однажды разобрался, - он усмехнулся, и шрам на брови дёрнулся. - Я пришёл сюда с мечом. Настоящим. С тем самым, с зазубриной у гарды. Ты сидела на кровати, прижимала Миледи - тогда ещё щенка - и смотрела на шкаф так, будто он вот-вот раскроется.

- Так и было! - Екатерина уже не сдерживала смеха. - Ты заорал: «Выходи, тварь, отведай стали!» и рубанул по дверце.

- Дверца треснула пополам, - Кaleb шагнул ближе, и в голосе его зазвучало то же веселье, что и десять с лишним лет назад. - Но мне показалось мало. Я рубанул ещё раз. И ещё. Щепки летели во все стороны. А потом я выхватил пистолет.

- И расстрелял платья! - она уже хохотала, придерживаясь за подоконник. - Все мои нарядные платья, которые мать заказала к празднику! Шёлк, кружево, муслин - всё в лохмотья! В шкафу не было монстра, Кaleb, там были мои обновки!

- Зато теперь монстр точно не вернётся, - парировал он с невозмутимым видом. - Если у него есть вкус, он побоится за свои тряпки.

- А потом вошёл Гримбл, - Екатерина вытирала выступившие слёзы. - Дворецкий. С подносом вечернего чая. Он открыл дверь и застыл. Шкаф в щепки, дым от выстрела, ты с мечом и пистолетом, я реву от смеха на кровати, а Миледи лает на него, как на чужака.

- Его лицо, - Кaleb покачал головой. - Я видел людей, которые шли на виселицу с большим достоинством. Гримбл посмотрел на меня, на шкаф, на тебя, на пистолет в моей руке, и произнёс: «Чай, миледи. С молоком или без?»

Они расхохотались оба. Хохот этот, наверное, был слышен этажом ниже, где леди Изольда, должно быть, недоумённо подняла бровь. Миледи проснулась от шума, зевнула и перевернулась на другой бок. А Кaleb и Екатерина стояли посреди комнаты, разделённые годами и связанные этим самым смехом, и на мгновение Ноксум за окном - со всем его туманом, шпилями и жестокостью - отступил, стал просто декорацией, не более реальной, чем монстр из старого шкафа.

- Ну что, - произнёс капитан, отсмеявшись, - клинки ждут. Или ты предпочтёшь химию?

- Клинки, - ответила она, и голос её снова стал твёрд. - Химия подождёт.

Они вышли в коридор, плечом к плечу, высокий воин и стройная женщина с глазами цвета болотной стали. Шаги их гулко отдавались под сводами лестницы. Спустились на первый этаж, миновали малую столовую, где слуги уже убрали остатки завтрака, и вышли через боковую дверь в сад.

Сад Морнивальсов был скорее внутренним двором - мощёным, огороженным высокой стеной из того же чёрного камня. Здесь не росло ни травинки. Камень, только камень, прерываемый чугунными фонарями и несколькими чахлыми тисами в кадках, что давно превратились в скелеты самих себя. Посреди двора был расчищен круг для фехтования - утоптаный до блеска, с отметинами от сапог. У стены, на козлах, покоились рапиры, сабли, шпаги и пара тупых учебных клинков.

Туман и здесь стоял стеной, но был чуть реже, чуть прозрачнее - словно даже он не решался лезть туда, где звенела сталь.

Калёб скинул мундир и остался в рубахе с закатанными до локтей рукавами. Мышцы на предплечьях перекатывались тугими канатами. Он взял с козел два учебных клинка - длинные, узкие, с гардами в виде полумесяцев - и один протянул Екатерине. Она приняла оружие привычным движением, взвесила на ладони, сделала пробный выпад. Сталь свистнула, рассекая туман.

- Помнишь стойку? - спросил капитан, отходя на дистанцию.

- Ты учил меня десять лет, - она встала в позицию, ноги чуть шире плеч, клинок на уровне глаз. - Я не могла забыть.

- Тогда начнём.

И первый удар, ещё ленивый, пробный, сорвался с его клинка, чтобы встретить её блок. Звон металла разнёсся по двору и замер, поглощённый туманом, словно город и сам прислушался - к тому, как капитан и его подопечная снова скрестили клинки, не зная, что этот бой - лишь репетиция перед другими, куда более страшными.

Калёб вышел из кабинета в облаке вишнёвого дыма, ещё цеплявшегося за мундир. Дверь за ним затворилась мягко, как закрывают крышку дорогого гроба, и он на мгновение задержался в коридоре, переводя дух. Разговор оставил во рту привкус табака и недосказанности, но главное он выяснил: лорд не станет неволить. Пока.

Он поправил портупею, привычным жестом проверил, легко ли ходит сабля в ножнах, и направился не в казармы, не в караульную, а вверх, по витой лестнице, туда, где третий этаж дремал в утреннем полумраке. Перила холодили ладонь - знакомый холод, старый друг. Он поднимался без спешки, но и без колебаний. После таких разговоров ему всегда хотелось увидеть её. Убедиться, что всё в порядке. Что пламя, которое он защищает, ещё горит.

Дверь в малую гостиную была приоткрыта. Он заглянул: пусто. Лишь книга в потёртом переплёте сиротливо лежала на подоконнике, заложенная лентой на странице, где речь шла о свойствах серной кислоты. Калёб усмехнулся в усы. Кислота. Конечно. Он двинулся дальше, к её личным покоям, и постучал костяшками пальцев в дубовую филёнку.

- Войдите, - раздалось изнутри.

Она стояла у окна, уже переодетая для тренировки: бриджи, заправленные в высокие сапоги, простая рубаха, корсет заменён на широкий кожаный пояс - не дань моде, а защита поясницы. Волосы собраны в тугий узел на затылке, открывая высокий лоб и линию челюсти, доставшуюся от матери. В руке она вертела фехтовальную перчатку. Миледи, завидев капитана, приподняла голову с подушки, вильнула хвостом и снова уснула.

- Калёб, - она улыбнулась уголком губ. - Отец отпустил тебя живым?

- Твой отец, - ответил капитан, привалившись плечом к косяку, - не так страшен, как ты малюешь. По крайней мере, когда в руке у него трубка, а не завещание.

Она рассмеялась - негромко, но искренне. Потом заметила взгляд Калёба, направленный на платяной шкаф в углу. Шкаф был старый, громоздкий, из тёмного ореха, украшенный резь-

бой в виде плакучих ив. Он стоял здесь столько, сколько Кaleb себя помнил. И он знал его историю.

- Помнишь? - спросил капитан, кивая на шкаф.

- Что именно? - Екатерина натянула перчатку на правую руку и принялась застёгивать ремешки.

- Как ты боялась монстра.

Она замерла. Пальцы остановились на полпути. Потом она медленно повернула голову к шкафу, и в глазах её мелькнуло что-то детское, давно забытое, словно отражение в старом зеркале.

- Мне было семь, - произнесла она тихо. - Или восемь. Я была уверена, что в этом шкафу живёт чудовище. Каждую ночь я слышала, как оно скребётся. Скулит. Дышит.

- И каждую ночь ты прибегала ко мне, - подхватил Кaleb, шагнув в комнату. - Стояла в дверях караульной, босая, с медвежонком под мышкой. Говорила: «Капитан, оно опять там».

- А ты отвечал: «Разберёмся».

- И однажды разобрался, - он усмехнулся, и шрам на брови дёрнулся. - Я пришёл сюда с мечом. Настоящим. С тем самым, с зазубриной у гарды. Ты сидела на кровати, прижимала Миледи - тогда ещё щенка - и смотрела на шкаф так, будто он вот-вот раскроется.

- Так и было! - Екатерина уже не сдерживала смеха. - Ты заорал: «Выходи, тварь, отведай стали!» и рубанул по дверце.

- Дверца треснула пополам, - Кaleb шагнул ближе, и в голосе его зазвучало то же веселье, что и десять с лишним лет назад. - Но мне показалось мало. Я рубанул ещё раз. И ещё. Щепки летели во все стороны. А потом я выхватил пистолет.

- И расстрелял платья! - она уже хохотала, придерживаясь за подоконник. - Все мои нарядные платья, которые мать заказала к празднику! Шёлк, кружево, муслин - всё в лохмотья! В шкафу не было монстра, Кaleb, там были мои обновки!

- Зато теперь монстр точно не вернётся, - парировал он с невозмутимым видом. - Если у него есть вкус, он побоится за свои тряпки.

- А потом вошёл Гримбл, - Екатерина вытирала выступившие слёзы. - Дворецкий. С подносом вечернего чая. Он открыл дверь и застыл. Шкаф в щепки, дым от выстрела, ты с мечом и пистолетом, я реву от смеха на кровати, а Миледи лает на него, как на чужака.

- Его лицо, - Кaleb покачал головой. - Я видел людей, которые шли на виселицу с большим достоинством. Гримбл посмотрел на меня, на шкаф, на тебя, на пистолет в моей руке, и произнёс: «Чай, миледи. С молоком или без?»

Они расхохотались оба. Хохот этот, наверное, был слышен этажом ниже, где леди Изольда, должно быть, недоумённо подняла бровь. Миледи проснулась от шума, зевнула и перевернулась на другой бок. А Кaleb и Екатерина стояли посреди комнаты, разделённые годами и связанные этим самым смехом, и на мгновение Ноксум за окном - со всем его туманом, шпилями и жестокостью - отступил, стал просто декорацией, не более реальной, чем монстр из старого шкафа.

- Ну что, - произнёс капитан, отсмеявшись, - клинки ждут. Или ты предпочтёшь химию?

- Клинки, - ответила она, и голос её снова стал твёрд. - Химия подождёт.

Они вышли в коридор, плечом к плечу, высокий воин и стройная женщина с глазами цвета болотной стали. Шаги их гулко отдавались под сводами лестницы. Спустились на первый этаж, миновали малую столовую, где слуги уже убрали остатки завтрака, и вышли через боковую дверь в сад.

Сад Морнивальсов был скорее внутренним двором - мощёным, огороженным высокой стеной из того же чёрного камня. Здесь не росло ни травинки. Камень, только камень, прерываемый чугунными фонарями и несколькими чахлыми тисами в кадках, что давно превратились в скелеты самих себя. Посреди двора был расчищен круг для фехтования - утопанный

до блеска, с отметинами от сапог. У стены, на козлах, покоились рапиры, сабли, шпаги и пара тупых учебных клинков.

Туман и здесь стоял стеной, но был чуть реже, чуть прозрачнее - словно даже он не решался лезть туда, где звенела сталь.

Калёб скинул мундир и остался в рубахе с закатанными до локтей рукавами. Мышцы на предплечьях перекатывались тугими канатами. Он взял с козел два учебных клинка - длинные, узкие, с гардами в виде полумесяцев - и один протянул Екатерине. Она приняла оружие привычным движением, взвесила на ладони, сделала пробный выпад. Сталь свистнула, рассекая туман.

- Помнишь стойку? - спросил капитан, отходя на дистанцию.

- Ты учил меня десять лет, - она встала в позицию, ноги чуть шире плеч, клинок на уровне глаз. - Я не могла забыть.

- Тогда начнём.

И первый удар, ещё ленивый, пробный, сорвался с его клинка, чтобы встретить её блок. Звон металла разнёсся по двору и замер, поглощённый туманом, словно город и сам прислушался - к тому, как капитан и его подопечная снова скрестили клинки, не зная, что этот бой - лишь репетиция перед другими, куда более страшными.

Калёб вышел из кабинета в облаке вишнёвого дыма, ещё цеплявшегося за мундир. Дверь за ним затворилась мягко, как закрывают крышку дорогого гроба, и он на мгновение задержался в коридоре, переводя дух. Разговор оставил во рту привкус табака и недосказанности, но главное он выяснил: лорд не станет неволивать. Пока.

Он поправил португую, привычным жестом проверил, легко ли ходит сабля в ножнах, и направился не в казармы, не в караульную, а вверх, по витой лестнице, туда, где третий этаж дремал в утреннем полумраке. Перила холодили ладонь - знакомый холод, старый друг. Он поднимался без спешки, но и без колебаний. После таких разговоров ему всегда хотелось увидеть её. Убедиться, что всё в порядке. Что пламя, которое он защищает, ещё горит.

Дверь в малую гостиную была приоткрыта. Он заглянул: пусто. Лишь книга в потёртом переплёте сиротливо лежала на подоконнике, заложенная лентой на странице, где речь шла о свойствах серной кислоты. Калёб усмехнулся в усы. Кислота. Конечно. Он двинулся дальше, к её личному покою, и постучал костяшками пальцев в дубовую филёнку.

- Войдите, - раздалось изнутри.

Она стояла у окна, уже переодетая для тренировки: бриджи, заправленные в высокие сапоги, простая рубаха, корсет заменён на широкий кожаный пояс - не дань моде, а защита поясницы. Волосы собраны в тугий узел на затылке, открывая высокий лоб и линию челюсти, доставшуюся от матери. В руке она вертела фехтовальную перчатку. Миледи, завидев капитана, приподняла голову с подушки, вильнула хвостом и снова уснула.

- Калёб, - она улыбнулась уголком губ. - Отец отпустил тебя живым?

- Твой отец, - ответил капитан, привалившись плечом к косяку, - не так страшен, как ты малюешь. По крайней мере, когда в руке у него трубка, а не завещание.

Она рассмеялась - негромко, но искренне. Потом заметила взгляд Калёба, направленный на платяной шкаф в углу. Шкаф был старый, громоздкий, из тёмного ореха, украшенный резьбой в виде плакучих ив. Он стоял здесь столько, сколько Калёб себя помнил. И он знал его историю.

- Помнишь? - спросил капитан, кивая на шкаф.

- Что именно? - Екатерина натянула перчатку на правую руку и принялась застёгивать ремешки.

- Как ты боялась монстра.

Она замерла. Пальцы остановились на полпути. Потом она медленно повернула голову к шкафу, и в глазах её мелькнуло что-то детское, давно забытое, словно отражение в старом зеркале.

- Мне было семь, - произнесла она тихо. - Или восемь. Я была уверена, что в этом шкафу живёт чудовище. Каждую ночь я слышала, как оно скребётся. Скулит. Дышит.

- И каждую ночь ты прибегала ко мне, - подхватил Кaleb, шагнув в комнату. - Стояла в дверях караульной, босая, с медвежонком под мышкой. Говорила: «Капитан, оно опять там».

- А ты отвечал: «Разберёмся».

- И однажды разобрался, - он усмехнулся, и шрам на брови дёрнулся. - Я пришёл сюда с мечом. Настоящим. С тем самым, с зазубриной у гарды. Ты сидела на кровати, прижимала Миледи - тогда ещё щенка - и смотрела на шкаф так, будто он вот-вот раскроется.

- Так и было! - Екатерина уже не сдерживала смеха. - Ты заорал: «Выходи, тварь, отведай стали!» и рубанул по дверце.

- Дверца треснула пополам, - Кaleb шагнул ближе, и в голосе его зазвучало то же веселье, что и десять с лишним лет назад. - Но мне показалось мало. Я рубанул ещё раз. И ещё. Щепки летели во все стороны. А потом я выхватил пистолет.

- И расстрелял платья! - она уже хохотала, придерживаясь за подоконник. - Все мои нарядные платья, которые мать заказала к празднику! Шёлк, кружево, муслин - всё в лохмотья! В шкафу не было монстра, Кaleb, там были мои обновки!

- Зато теперь монстр точно не вернётся, - парировал он с невозмутимым видом. - Если у него есть вкус, он побоится за свои тряпки.

- А потом вошёл Гримбл, - Екатерина вытирала выступившие слёзы. - Дворецкий. С подносом вечернего чая. Он открыл дверь и застыл. Шкаф в щепки, дым от выстрела, ты с мечом и пистолетом, я реву от смеха на кровати, а Миледи лает на него, как на чужака.

- Его лицо, - Кaleb покачал головой. - Я видел людей, которые шли на виселицу с большим достоинством. Гримбл посмотрел на меня, на шкаф, на тебя, на пистолет в моей руке, и произнёс: «Чай, миледи. С молоком или без?»

Они расхохотались оба. Хохот этот, наверное, был слышен этажом ниже, где леди Изольда, должно быть, недоумённо подняла бровь. Миледи проснулась от шума, зевнула и перевернулась на другой бок. А Кaleb и Екатерина стояли посреди комнаты, разделённые годами и связанные этим самым смехом, и на мгновение Ноксум за окном - со всем его туманом, шпилями и жестокостью - отступил, стал просто декорацией, не более реальной, чем монстр из старого шкафа.

- Ну что, - произнёс капитан, отсмеявшись, - клинки ждут. Или ты предпочтёшь химию?

- Клинки, - ответила она, и голос её снова стал твёрд. - Химия подождёт.

Они вышли в коридор, плечом к плечу, высокий воин и стройная женщина с глазами цвета болотной стали. Шаги их гулко отдавались под сводами лестницы. Спустились на первый этаж, миновали малую столовую, где слуги уже убрали остатки завтрака, и вышли через боковую дверь в сад.

Сад Морнивальсов был скорее внутренним двором - мощёным, огороженным высокой стеной из того же чёрного камня. Здесь не росло ни травинки. Камень, только камень, прерываемый чугунными фонарями и несколькими чахлыми тисами в кадках, что давно превратились в скелеты самих себя. Посреди двора был расчищен круг для фехтования - утоптаный до блеска, с отметинами от сапог. У стены, на козлах, покоились рапиры, сабли, шпаги и пара тупых учебных клинков.

Туман и здесь стоял стеной, но был чуть реже, чуть прозрачнее - словно даже он не решался лезть туда, где звенела сталь.

Кaleb скинул мундир и остался в рубахе с закатанными до локтей рукавами. Мышцы на предплечьях перекатывались тугими канатами. Он взял с козел два учебных клинка - длинные,

узкие, с гардами в виде полумесяцев - и один протянул Екатерине. Она приняла оружие привычным движением, взвесила на ладони, сделала пробный выпад. Сталь свистнула, рассекая туман.

- Помнишь стойку? - спросил капитан, отходя на дистанцию.

- Ты учил меня десять лет, - она встала в позицию, ноги чуть шире плеч, клинок на уровне глаз. - Я не могла забыть.

- Тогда начнём.

И первый удар, ещё ленивый, пробный, сорвался с его клинка, чтобы встретить её блок. Звон металла разнёсся по двору и замер, поглощённый туманом, словно город и сам прислушался - к тому, как капитан и его подопечная снова скрестили клинки, не зная, что этот бой - лишь репетиция перед другими, куда более страшными.

Екатерина стояла под взглядом трёх пар глаз - и одни из них, чёрные, бездонные, ощущались кожей, как прикосновение ледяного пальца к затылку. Но страх был роскошью, которую она не могла себе позволить. Вместо этого она подняла левую руку - короткий, скупой жест, которому Гримбл был обучен много лет назад.

Дворецкий, застывший у дверей бледным изваянием, исчез бесшумно. Не прошло и трёх минут, как две горничные вкатили сервировочный столик - чёрное дерево, колёса со спицами из слоновой кости, - уставленный фарфором и серебром. Чайник пузатый, с гербом Морнивальсов, источал пар, пахнувший бергамотом и чем-то ещё - едва уловимым, горьковатым, как миндаль. Чашки были уже разлиты. Сахар лежал в серебряной сахарнице, и щипцы для него были сделаны в виде птичьих лап.

- Прошу, - произнесла Екатерина тоном, в котором не было ни заискивания, ни трепета.

- Чай с дороги. У нас редко бывают гости такого... ранга.

Корделия Вейл приняла чашку, не глядя на горничную, - та сама вложила фарфор ей в пальцы, словно подношение идолу. Инквизитор поднесла чашку к губам, но не сделала глотка - лишь вдохнула пар, и улыбка её стала чуть шире.

- «Ласточкино гнездо», - произнесла она. - Редкий сорт. Ваш батюшка знает толк.

- Моя матушка, - поправила Екатерина. - Отец пьёт только кофе.

Тоший Сайлас Грейвз от чая отказался вовсе - он застыл у колонны, сложив руки на набалдашнике трости, и тёмные стёкла его очков смотрели в никуда. Торбен Магнуссон, напротив, взял чашку, проглотил содержимое одним глотком, будто это был не чай, а грог, и вернул фарфор на поднос с неожиданной аккуратностью. Перстни на его пальцах звякнули.

Екатерина тоже взяла чашку. Сделала маленький глоток. Обожгла язык - и не заметила. Мысли её работали быстро, холодно, как шестерёнки хорошо смазанного механизма. Чёрная стража в доме - это не визит вежливости. Это либо приговор, либо вербовка. Третьего не дано. И пока отец в отъезде, она - хозяйка. Значит, ей и вести игру.

Она опустила чашку на блюдце - звон вышел чистый, резкий, как удар маленького колокола.

- Инквизитор Вейл, - начала она, и голос её был светским, лёгким, будто речь шла о погоде. - Ждать отца с фабрики вы будете несколько часов. Скучать в гостиной - удел коммерсантов. Я же предлагаю иное.

Корделия чуть приподняла бровь - движение точное, почти незаметное, но Екатерина уловила его.

- И что же вы предлагаете, леди Морнивальс?

- Поединки.

Слово упало в тишину зала, как камень в чёрную воду. Кaleb, стоявший у дверей со скрещёнными руками, едва заметно напрягся. Он знал этот тон. Так Екатерина говорила, когда задумывала нечто опасное.

- Мы с капитаном как раз завершили тренировку, - продолжала она, обводя зал рукой. - Клинки ещё тёплые. У вас, насколько я понимаю, Чёрная стража обучается боевым искусствам с пелёнок. Было бы... поучительно скрестить сталь. Разумеется, в дружеском ключе.

Инквизитор Вейл смотрела на неё, не мигая. Улыбка её не дрогнула, но в ней появилось нечто новое - тень интереса, холодного, как зимнее солнце.

- Вы весьма наглая юная леди, - произнесла она, и в голосе её прозвучало не осуждение, а скорее оценка. - Мне это нравится.

Она поднялась. Плащ её колыхнулся, открывая подкладку цвета свежей раны, и она небрежно, одним движением плеч, сбросила его на руки Торбену. Под плащом обнаружился облегающий жакет того же чёрно-красного шёлка, стянутый на талии поясом с серебряной пряжкой. На поясе висела рапира - узкая, длинная, с гардой, напоминающей паутину. Оружие не церемониальное. Боевое.

- Я принимаю вызов, - сказала Корделия. - Но сражаться буду не с вами, леди. С вами, - она перевела взгляд на Калеба. - Вы - капитан стражи. Я - инквизитор. Это будет... соразмерно.

Калёб шагнул вперёд, не дожидаясь разрешения. Лицо его было спокойно, но на скулах заиграли желваки. Он снял португезу с саблей, оставшейся от утреннего патруля, и взял учебный клинок, что прихватил из сада. Широкий, тяжёлый - под стать хозяину.

- Правила? - спросил он коротко.

- До первой крови, - ответила инквизитор, обнажая рапиру.

Они встали в центре зала. Свет из окон падал на них серыми полосами, и пылинки, потревоженные движением, танцевали в этом свете, как мошки над болотом. Екатерина отошла к колонне. Глаза её сузились, впились в фигуру Корделии с напряжением ботаника, изучающего новый вид хищного растения.

Первый удар нанёс Калёб. Быстрый, сильный - он не церемонился, как и всегда. Рапира инквизитора ушла в сторону, принимая блок, но Корделия не отступила. Она стояла на месте, будто знала заранее, куда придёт удар. Калёб надавил, пытаясь продавить её защиту массой, и она уступила - но не силе, а направлению, уходя вбок и заставляя его потерять равновесие на долю мгновения. Её рапира тут же ожила, жала его в плечо, но он успел парировать.

Звон. Ещё звон. Они двигались по залу, и шаги их отдавались под сводами гулким эхо. Калёб атаковал - рубящие удары, колющие, косые. Корделия не атаковала - она танцевала. Каждое движение её было скупым, выверенным до миллиметра. Она не блокировала его удары - она их не встречала. Она уходила с линии атаки за мгновение до того, как клинок начинал движение.

Екатерина смотрела. Она видела, как капитан готовит выпад - мышцы левого плеча напрягаются, вес смещается на переднюю ногу, - и видела, как Корделия Вейл реагирует до того, как этот выпад происходит. Не одновременно. Не в ответ. До.

Вот капитан собирается колоть в грудь - и инквизитор уже смещается вправо. Вот он меняет направление, целя в бедро - она уже поднимает клинок для нижнего блока. Словно она читает его, как открытую книгу, напечатанную крупным шрифтом.

Калёб взревел и пошёл в последнюю, отчаянную атаку - три удара подряд, быстрых, как биение сердца. Первый она отвела. Второй пропустила над плечом, пригнувшись с гибкостью змеи. А третьего не было - потому что её рапира, описав короткую дугу, ткнулась остриём в его горло. Точно в кадык. Кожа лопнула, и выступила капля крови - яркая, алая, единственное живое пятно в этом сером зале.

- Первая кровь, - произнесла Корделия почти ласково. - Вы проиграли, капитан.

Калёб замер. На лице его - смесь ярости и чего-то ещё, похожего на страх. Не за себя. За неё. Он медленно опустил клинок и отступил на шаг.

- Вы... предвидели каждый мой удар, - проговорил он хрипло.

- Я просто внимательна, - ответила инквизитор, и улыбка её стала шире.

Но Екатерина знала. То, что она увидела, не было внимательностью. Внимательность объясняет реакцию. Но не предвидение. Корделия двигалась до того, как капитан принимал решение. Это не мастерство. Это дар. Или проклятие.

Она видит будущее, подумала Екатерина, и холодок пробежал по её позвоночнику. Или читает мысли. Или и то, и другое.

Инквизитор вытерла остриё рапиры платком, который возник из ниоткуда в её левой руке, и повернулась к Екатерине.

- Надеюсь, вы удовлетворены зрелищем, леди Морнивальс.

- Почти, - ответила Екатерина, отрываясь от колонны. - Теперь моя очередь.

Брови Корделии дрогнули - впервые за всё время на её фарфоровом лице мелькнуло нечто похожее на удивление.

- Вы?

- Я вызываю на бой инквизитора Магнуссона, - Екатерина кивнула в сторону бородача.

- Если вы не против, конечно. Неравенство полов меня не смущает. Меня учил капитан, а он, как вы только что убедились, лучший фехтовальщик в городе. Хотя... уже второй.

Корделия рассмеялась - коротким, сухим смешком, похожим на треск льда под ногами.

- Торбен. Прими вызов.

Бородач хмыкнул. Он передал плащ инквизитора Сайласу, который принял его молча, и вышел вперёд, расстёгивая палаш. Движения его были медленными, тяжёлыми, как у медведя, разбуженного зимой. Он был выше капитана на полголовы и шире в плечах почти вдвое. Рядом с ним Екатерина казалась тростинкой, которую можно переломить одним пальцем.

Но она не боялась. Она знала то, чего не знал он.

Она взяла клинок - на этот раз не учебный, а боевой, свой собственный, с узким лезвием и гардой в виде полумесяца. Встала напротив Торбена. Посмотрела ему в глаза - маленькие, медвежьи, заплывшие жиром. И очистила мысли.

Это был приём, которому она научилась случайно - в те долгие часы, когда сидела одна в лаборатории, смешивая кислоты. Если сосредоточиться на чём-то одном, настолько поглощающим, что всё остальное исчезает, твой разум становится пуст. Не белым, не чёрным - никаким. Как стекло без отражения. Её отец называл это «гранитом в голове». Кaleb - «упрямством до дури». Но сейчас это было оружием.

Если Корделия читает мысли - пусть читает пустоту. Если видит будущее - пусть видит, как Торбен проигрывает.

Бой начался.

Бородач атаковал первым. Палаш его, широкий и тяжёлый, обрушился сверху, как гильотина. Екатерина не стала блокировать - она ушла в сторону, пропуская клинок мимо, и её собственный клинок скользнул вдоль его предплечья, вспарывая рукав. Торбен взревел и развернулся, нанося удар слева. Она пригнулась - палаш просвистел над головой, срезав несколько волосков с пучка. И тут же она выбросила клинок вперёд, целя в колено. Он отступил, тяжело, грузно, и она поняла: он медленный. Очень медленный. Вся его сила - в массе и инерции. А она - быстрая.

Она начала кружить. Клинок её мелькал, как язык пламени, жая его то в плечо, то в бок, то в бедро. Торбен вертелся, пытаясь достать её палашом, но каждый раз бил в пустоту. Его дыхание стало тяжёлым, хриплым. Пот катился по вискам, запутываясь в косах. А она всё двигалась, всё жалила, и мысли её были пусты - только движение, только сталь, только холодный расчёт.

В какой-то момент он допустил ошибку. Замахнулся слишком широко, открыв грудь. И она вошла в эту брешь, как игла входит в ткань, - быстро, точно, неумолимо. Её клинок упёрся остриём в его горло, чуть выше кадыка, там, где билась синяя жилка.

- Первая кровь, - произнесла она, повторяя интонацию Корделии. - Вы проиграли, инквизитор.

Торбен замер. Палаш его застыл в воздухе на полпути к удару. Он смотрел на неё сверху вниз - медведь, проигравший ос. И в его глазах, помимо ярости, мелькнуло нечто, чего она не ожидала. Уважение.

- Ты быстрая, - прохрипел он. - Кто учил?

- Капитан, - ответила она. - И химия.

Она опустила клинок и отступила на шаг. Грудь её вздымалась. Сердце колотилось где-то в горле. Но лицо оставалось спокойным - гранит, о котором говорил отец.

Она повернулась к Корделии.

Инквизитор смотрела на неё, и улыбка её наконец- то погасла. В чёрных глазах, лишённых белков, что-то ворочалось - не гнев, не восхищение, а холодный, оценивающий интерес, какой бывает у коллекционера, обнаружившего редкий экземпляр.

- Вы убили в себе мысли, - произнесла Корделия тихо, почти интимно. - Я не смогла вас прочесть.

Вот оно. Подтверждение.

- Я не знаю, о чём вы, - ответила Екатерина ровно.

- Знаете, - инквизитор шагнула ближе. Теперь они стояли лицом к лицу, и воздух между ними, казалось, потрескивал от напряжения. - Вы очень интересная молодая особа, леди Морнивальс. Очень. Интересная.

Она протянула руку - белую, с длинными ногтями - и коснулась щеки Екатерины. Прикосновение было ледяным, как прикосновение мертвеца.

- Мы ещё поговорим, - пообещала Корделия Вейл. - Когда вернётся ваш отец.

И, развернувшись, она направилась обратно к своему креслу. Плащ её, подхваченный Торбеном, снова лёг на плечи. Сайлас Грейвз, не проронивший за всё время ни звука, чуть повернул голову, и тёмные стёкла его очков на мгновение отразили свет люстры.

Калев подошёл к Екатерине. Встал рядом - плечо к плечу. Кровь на его горле уже запеклась.

- Ты спятила, - прошептал он одними губами.

- Возможно, - так же тихо ответила она. - Но теперь я знаю наверняка. Она читает мысли. Или видит будущее. Или и то, и другое.

- И что это нам даёт?

- Пока не знаю, - Екатерина смотрела на инквизитора, уже устроившуюся в кресле с видом хозяйки. - Но теперь у меня есть оружие против неё. Пустота. Тишина. Гранит.

И она улыбнулась - в первый раз за всё время после прибытия Чёрной стражи. Улыбка эта не была тёплой. Но она была её собственной.

Екатерина проводила взглядом Корделию Вейл, опустившуюся в кресло с грацией сытой пантеры, и повернулась к Гримблу, застывшему у дверей всё с тем же восковым лицом. Дворецкий, казалось, поседел ещё на пару тонов, но держался прямо - вышколенная тридцатью годами службы спина не гнулась даже под взглядами Чёрной стражи.

- Гримбл, - произнесла Екатерина, и голос её, перекрывший тишину зала, был деловым, почти будничным. - Воды. Всем. После фехтования жажда - вещь беспощадная. И скажите кухарке: обед подавать через полчаса. Инквизиторы, полагаю, не откажутся разделить с нами трапезу.

Она перевела взгляд на Корделию. Та чуть склонила голову - ни согласие, ни отказ, а скорее согласие с оттенком любопытства. Торбен, всё ещё потиравший шею, куда упёрся клинок Екатерины, хмыкнул одобрительно: есть он хотел всегда, и победа этой странной девчонки не убавила его аппетита. Сайлас Грейвз остался неподвижен, но Екатерина заметила, что тём-

ные стёкла его очков чуть повернулись в её сторону. Она ему не нравилась. Или наоборот - нравилась слишком сильно. Пойми этих молчаливых.

Гримбл исчез. Через минуту горничные уже разносили высокие стаканы с водой - родниковой, ледяной, из подземного источника под холмом, единственная роскошь, которую даже туман Ноксума не мог испортить. Калёб осушил свой стакан в три глотка. Екатерина пила медленно, чувствуя, как холод разливается по груди, смывая жар недавнего боя. Мысли её всё ещё кружили вокруг чёрных глаз Корделии. Та пила воду крошечными глотками, как птица, и смотрела на Екатерину поверх края стакана. Не отрываясь.

- У вас прекрасная реакция, леди Морнивальс, - произнесла инквизитор. - И отменная выдержка. Где вы обучались медицине?

- Я не обучалась, - ответила Екатерина. - Только химия. Остальное - книги и практика.

- Практика? - бровь Корделии изогнулась. - На ком же вы практикуетесь?

- На себе. На трупах, когда удаётся достать. На собачке, когда она позволяет.

Торбен фыркнул в бороду. Тощий Сайлас не шевельнулся. Корделия же улыбнулась - в третий раз за день, и улыбка эта была как разрез скальпеля: чистая, тонкая, смертоносная.

Обед накрыли в малой столовой - той, что выходила окнами во внутренний сад, где еще не развеялся пороховой дым от их стрельбы. Стол был сервирован на шесть персон: лорд и леди отсутствовали (леди Изольда, узнав о Чёрной страже, сослалась на мигрень и заперлась в своих покоях - жест, который Екатерина оценила как мудрый), так что за столом сидели четверо: трое инквизиторов и она. Калёб остался стоять за её стулом - не как слуга, а как страж. Рука его то и дело касалась рукояти сабли.

Первым подали суп. Не обычный мясной бульон, а фирменное блюдо дома Морнивальсов - крем- суп из лягушачьих лапок, приправленный шафраном и белым вином. Старая кухарка готовила его по рецепту, привезённому ещё дедом нынешнего лорда из какой- то континентальной кампании. Блюдо было странным, на любителя, но Морнивальсы любили странное.

Разливали суп горничные - три девушки в белых передниках. Одна из них, Анастасия, была моложе прочих - рыжеволосая, веснушчатая, с вечно испуганными глазами лани. В доме она служила третий месяц, и Екатерина знала её историю: сирота, подобрали на паперти собора Святого Молчальника, дали кров и место. Припадки у неё случались и раньше - дважды, насколько помнила Екатерина. И каждый раз это заставляло всех врасплох.

Вот и теперь. Анастасия наливала суп Торбену - осторожно, стараясь не задеть его массивное плечо, - когда вдруг звякнула половником о край супницы. Звук вышел резким, фальшивым. Девушка замерла. Глаза её закатились, открывая белки с красными прожилками. Половник выпал из обмякших пальцев, плеснув зелёным супом на скатерть. И она начала заваливаться - медленно, страшно, как подрубленное дерево.

Торбен поймал её одной рукой - рефлекс, выработанный годами. Но что делать дальше, он не знал. Девушка в его руках задёргалась, запрокидывая голову, из горла вырвался булькающий звук - не крик, не хрип, а что- то влажное, механическое.

- Положите её на пол! - голос Екатерины хлестнул, как бич. - На бок! Немедленно!

Торбен, не споря, опустил девушку на каменные плиты пола. Екатерина уже была рядом - стул её с грохотом отлетел к стене. Она упала на колени, подхватила голову Анастасии, повернула набок. Из рта служанки текла тонкая струйка слюны с прожилками крови - язык прикушен, но не до конца.

- Она задыхается, - бросила Екатерина, не оборачиваясь. - Гримбл! Врача! Быстро! И принесите мой саквояж из комнаты!

Дворецкий исчез. Калёб шагнул было к двери, чтобы бежать за врачом, но Екатерина остановила его жестом:

- Ты нужен здесь. Гримбл справится.

Тело Анастасии выгнулось дугой, руки заколотили по каменному полу - дробно, страшно, как крылья подбитой птицы. Пена пошла изо рта, смешиваясь с остатками слюны. Корделия наблюдала за происходящим, не двигаясь. Сайлас чуть наклонил голову. Торбен стоял рядом, огромный и беспомощный, и на его лице читалось то редкое выражение, какое бывает у очень сильных людей, столкнувшихся с тем, что не берёт ни сила, ни сталь.

- Месье Магнуссон, - произнесла Екатерина, не отрывая взгляда от больной, - вы держите её за плечи. Мягко, но крепко. Не дайте ей удариться головой о плиты.

Торбен опустил на колени и взял плечи девушки в свои ладони - осторожно, как хрустальную вазу. Екатерина тем временем уже расстёгивала ворот платья Анастасии, освобождая горло.

Одна из горничных, бледная как смерть, вбежала с саквояжем. Екатерина рванула застёжки, откинула крышку. Внутри, в бархатных гнёздах, лежали инструменты, каких не найти в обычном врачебном саквояже: скальпели, пинцеты, пузырьки с кислотами... и шприц. Медный, с поршнем тонкой работы и длинной иглой, тускло блеснувшей в свете свечей. Рядом - ампула с мутноватой жидкостью. Раствор бромиды калия. Она синтезировала его сама две недели назад, когда у Анастасии случился первый припадок в столовой. Синтезировала и ждала. Знала - пригодится.

Пять секунд. Она набрала раствор в шприц - быстро, но без суеты, выгнав пузырьки воздуха из иглы. Нашарила вену на руке девушки - синюю, бьющуюся под тонкой кожей. Вколола. Поршень ушёл вниз плавно, без рывков.

- Всё, - выдохнула она, откладывая шприц.

Судороги начали стихать. Сперва руки перестали колотить, потом ноги обмякли. Дыхание выровнялось - хриплое, но ритмичное. Анастасия открыла глаза - мутные, непонимающие, - и часто заморгала, глядя на склонившиеся над ней лица.

- Я... я опять? - прошептала она разбитыми губами.

- Да, милая. Опять. Но всё уже хорошо, - Екатерина положила ладонь на её лоб. - Ты в порядке.

Она поднялась с колен. Платье её, тренировочное, было помято и испачкано, на правом колене расплывалось мокрое пятно от пролитого супа. Но лицо - спокойное, гранитное. Она обернулась к Гримблу, уже вернувшемуся с врачом - запыхавшимся толстячком в мятом сюртуке.

- Отнесите её в покои, - распорядилась Екатерина. - Врач останется с ней до вечера. Постельный режим, обильное питьё. Завтра будет как новенькая.

Две горничные и кучер, прибежавший на шум, подняли ослабевшую Анастасию. Она пыталась бормотать извинения, но Екатерина оборвала её мягко, но твёрдо:

- Не вздумай извиняться. Ты не виновата. Болезнь - не вина. Иди.

Когда служанку унесли, врач просеменил следом, а Гримбл бесшумно прикрыл за ними дверь, в столовой повисла тишина. Та особенная тишина, какая бывает после того, как смерть прошла рядом, мазнула плащом, но передумала.

Екатерина медленно вытерла руки салфеткой. Вернулась к столу. Опустилась на стул, поправила сбившийся узел волос.

- Приношу извинения, - произнесла она, берясь за ложку. - Припадок. Случается раз в месяц-два. У Анастасии падучая болезнь. Мы к этому привычны.

Корделия Вейл смотрела на неё. Теперь в чёрных глазах инквизитора не было ни улыбки, ни холода - было нечто, похожее на жадное, почти голодное внимание. Она видела многое. Много читала. Но то, что произошло только что, не требовало ни чтения мыслей, ни видения будущего. Это была чистая компетентность - стремительная, уверенная, без тени сомнения.

- Леди Морнивальс, - произнесла Корделия, и голос её прозвучал тише обычного. - Вы сделали укол. Шприцем. Своей служанке.

- Да.

- За пять секунд.

- Четыре с половиной, - поправила Екатерина, опуская ложку в суп. - Если быть точной.

Торбен, всё ещё стоявший на коленях у лужицы супа на полу, медленно поднялся. Он перевёл взгляд с Екатерины на Корделию, потом обратно, и в глазах его читалось выражение, какого Екатерина ещё не видела у этого медведя: почтительное, чуть суеверное удивление.

- Вы врач? - спросил он.

- Химик, - ответила она. - Этого достаточно. Бромид калия. Тормозит нервные импульсы, не даёт судорогам распространяться. Простая химия, месье Магнуссон. Не магия.

Она поднесла ложку ко рту. Суп из лягушачьих лапок остыл, но всё ещё был хорош - сливочный, с тонким ароматом шафрана. Она ела спокойно, размеренно, будто ничего не случилось. Кaleb, стоявший за её стулом, молча смотрел на неё сверху вниз, и в его взгляде было всё: гордость, тревога, обречённость и та бессловесная любовь, которую он никогда не высказывал вслух.

Корделия Вейл взяла свою ложку. Задумчиво помешала суп.

- Вы очень интересная молодая особа, леди Морнивальс, - повторила она фразу, сказанную после поединка. - Очень. Интересная.

И на этот раз в её голосе прозвучала нота, которой не было раньше. Не угроза. Не насмешка. А расчёт. Холодный, терпеливый, шахматный расчёт игрока, обнаружившего на доске фигуру, которой там быть не должно.

Екатерина встретила этот взгляд и не отвела своего.

- Благодарю, - произнесла она. - Суп остывает, инквизитор. Советую попробовать, пока он не замёрз окончательно. Кухарка обижается, когда еёстряпню оставляют нетронутой.

И, не дожидаясь ответа, продолжила есть. За окном туман сгустился, превращая день в сумерки, а сумерки - в ту особенную тьму, какая бывает только в Ноксуме и только тогда, когда в доме гостят те, кто носит чёрное с красным.

Обед завершился под светские разговоры - именно те, что уместны, когда за столом сидят четверо чужаков, трое из которых могут читать мысли. Корделия расспрашивала о фабриках, о рудниках, о состоянии дорог в восточном пределе. Екатерина отвечала гладко, но кратко, уводя беседу от острых тем. Торбен ел за троих и больше молчал, лишь изредка поглядывая на Екатерину с тем же суеверным уважением. Сайлас не притронулся к еде вовсе - его тарелка осталась нетронутой, а сам он за весь обед не проронил ни слова, и тёмные стёкла его очков отражали свечи двумя неподвижными огоньками.

Время тянулось медленно, как патока на морозе. Подали жаркое. Подали десерт - груши в красном вине, любимое блюдо леди Изольды, которая так и не вышла из своих покоев. Подали сыр. Подали кофе - чёрный, горький, сваренный по рецепту самого лорда Морнивальса. И когда последние капли кофе остыли на дне чашек, а свечи оплыли на треть, снаружи донёсся звук - стук копыт по брусчатке, резкий окрик кучера, скрип ворот.

Лорд Арчибальд Кристиан Морнивальс вернулся домой.

Он вошёл в столовую, ещё не сняв дорожного плаща, и с порога окинул зал взглядом. Взгляд этот был быстр, цепок и тяжёл - так смотрят полководцы, оценивающие поле перед битвой. Он увидел чёрные с красным одежды. Увидел лица. Увидел дочь, сидящую во главе стола с прямой спиной и непроницаемым выражением, и капитана за её плечом.

И всё понял. Мгновенно. Без слов.

Ни одна мышца не дрогнула на его лице. Он лишь чуть прищурился - тень, упавшая на глаза цвета остывшего кофе, - и шагнул вперёд, стягивая перчатки.

- Инквизиторы, - произнёс он тоном, в котором не было ни страха, ни раболепия. - Оказываете честь. Простите, что заставил ждать. Дела на фабрике. Бунт. Пустяки, но требовали моего присутствия.

Корделия поднялась из кресла. Улыбка её, на время обеда смягчившаяся до нейтральной вежливости, вернулась - острая, как лезвие.

- Лорд Морнивальс, - она чуть склонила голову. - Рада видеть вас в добром здравии. У нас к вам разговор. Государственной важности.

- Разговор? - он нахмурился, изображая лёгкое удивление. - Что ж, для разговоров есть кабинет. Трубка, виски, тишина. Прошу.

Он даже не взглянул на Екатерину - лишь прошёл мимо, и край его плаща задел её стул. Жест, незаметный никому, кроме неё. Касание. Предупреждение. Или благословение. Пойми этого человека, который тридцать лет носил титул барона и не сошёл с ума лишь потому, что сам был чуть безумнее города, которым правил.

Они удалились вчетвером. Лорд Арчибальд. Корделия Вейл. Торбен Магнуссон. Сайлас Грейвз. Дверь кабинета затворилась, и дуб, окованный железом, поглотил звуки.

Екатерина осталась в столовой. Калёб стоял рядом, и оба молчали. Миледи, прибежавшая откуда-то сверху, ткнула носом в её ладонь и тихо заскулила. Собаки чувствуют. Собаки знают.

Минуты текли. Десять. Двадцать. Полчаса. Екатерина не двигалась, лишь пальцы её мерно гладили шерсть на загровке Миледи. Калёб застыл статуей, скрестив руки на груди, и желваки на его скулах то вспухали, то опадали.

И вдруг - крик.

Он пронёсся сквозь дубовую дверь, как пушечный выстрел. Голос был отца - она узнала его сразу, хотя слышала таким всего пару раз в жизни. Этот голос не был испуганным. Он был яростным. Отчаянным. Голос человека, которому только что предъявили нечто, чего он не мог принять.

- НЕТ!!!

Эхо ударило под своды и замерло. Затем - тишина, ещё более страшная, чем крик. А потом - голоса. Много голосов. Спор. Глухой стук - кулак по столу или трость по полу. Ещё слова - неразборчивые, но резкие, как выстрелы. И снова тишина.

Прошло ещё четверть часа. Дверь кабинета отворилась.

Первым вышел лорд Арчибальд. Лицо его было серым - не бледным, а именно серым, как пепел, как камень, как небо над Ноксумом на рассвете. Глаза его смотрели в пол, но потом поднялись и нашли дочь. И в этом взгляде Екатерина увидела то, чего не видела никогда за все свои двадцать пять лет. Отец смотрел на неё с гордостью. И с ужасом. И с болью.

За ним вышли инквизиторы. Корделия - спокойная, как замёрзшее озеро. Торбен - хмурый, смотревший куда-то в сторону, будто ему было неловко. Сайлас - неизменный, как надгробный камень.

Лорд Арчибальд остановился посреди зала. Кадык его дёрнулся, когда он слотнул. А затем он заговорил, и голос его был хриплым, надтреснутым, но твёрдым:

- Екатерина. Инквизиторы... они явились не с обвинением. И не с проверкой. У них другая цель.

Она молчала. Ждала.

- Существует закон, - продолжил он, и каждое слово давалось ему с трудом, как будто он выталкивал их из горла вместе с осколками стекла. - Древний закон Ноксума, которому подчиняется вся страна. Право призыва. Закон, по которому Чёрная стража имеет власть рекрутировать любого подданного, невзирая на титул, состояние и положение. Никто не может отказаться. Даже королевская семья. Даже я. Даже ты.

Она слышала эти слова. Они долетали до неё, как удары колокола, и каждый удар отдавался в груди глухим звоном.

- Инквизиторы, - голос отца стал почти шёпотом, - призывают тебя на службу, дочь. Ты должна явиться в Цитадель Чёрной стражи завтра на рассвете. Отказ невозможен. Бегство карается смертью. Соппротивление - смертью. Это древний закон. И он нерушим.

Тишина. Такая глубокая, что слышно было, как Миледи скулит, прижимаясь к ногам хозяйки. Как потрескивают свечи. Как где- то наверху, в комнате Анастасии, врач бормочет успокоительные слова.

Екатерина медленно поднялась. Пальцы её разжались, выпуская шерсть собачки. Глаза - болотные, с золотыми искрами - встретились с глазами Корделии.

Инквизитор не улыбалась. Она просто смотрела - и в этом взгляде было удовлетворение коллекционера, наконец- то получившего желанный экземпляр.

- Вы знали, - произнесла Екатерина. Не вопрос. Утверждение.

- Знала, - ответила Корделия. - С первой минуты. Ваш отец подтвердил то, что я увидела: вы - редкий дар, леди Морнивальс. Ум. Рефлексы. Химия. И этот ваш... гранит в голове. Чёрная стража не может пройти мимо такого рекрута. Мы слишком нуждаемся в особенных.

- А если я откажусь?

- Вы не откажетесь, - Корделия чуть наклонила голову. - Ваш отец только что кричал «нет». Знаете, что я ему ответила? Я сказала: «Лорд Морнивальс, ваша дочь умнее вас. Она поймёт». И вы понимаете. Прямо сейчас. Вы уже просчитываете варианты, и все они ведут к одному: завтра на рассвете вы будете стоять у ворот Цитадели. Потому что вы - выживальщица. А выживальщики не ломаются о законы. Они используют их.

Екатерина молчала. Калёб за её спиной дышал тяжело, как загнанный бык, но не вмешивался - знал, что не имеет права. Лорд Арчибальд смотрел в пол, и плечи его, всегда прямые, сейчас казались сломанными.

Наконец она заговорила:

- Когда выезжать?

Корделия улыбнулась. Мягко. Почти тепло. Почти по- человечески.

- Экипаж ждёт снаружи. Можете взять с собой саквояж с инструментами. Собачку, если желаете. Капитан может сопровождать вас до ворот, но внутрь не войдёт. Таковы правила.

Екатерина кивнула. Один раз. Коротко. Затем повернулась к Калёбу.

- Собирай вещи. Инструменты. Книги. Химический набор. Всё, что влезет в саквояж. Миледи едет со мной.

- Катя... - начал он, и голос его треснул.

- Я знаю, - перебила она. - Но закон есть закон. А гранит не ломается. Помнишь?

Он помнил. Он всё помнил. И он пошёл собирать вещи - огромный, молчаливый, ссутуливший плечи, словно на них легла вся тяжесть Ноксума.

Екатерина перевела взгляд на отца. Он поднял глаза, и она увидела в них слёзы - первые слёзы за всё то время, что знала этого человека. Он плакал молча, не стыдясь, и она не стыдилась его.

- Я вернусь, отец, - сказала она тихо. - Я не знаю когда. Но вернусь. Они думают, что завербовали меня. А я думаю иначе. Я использую их. Как кислоту. Как реагент. И когда я узнаю всё, что они могут дать, я вернусь. Обещаю.

Лорд Арчибальд шагнул к ней. Обнял - неловко, сухо, как обнимают взрослую дочь впервые за много лет. И прошептал на ухо:

- Твоя мать... она не сможет тебя проводить. Ты знаешь.

- Знаю. Скажи ей, что я люблю её.

Корделия Вейл, наблюдавшая эту сцену, бесшумно отступила в тень. Лицо её снова стало фарфоровой маской, но где- то в глубине чёрных глаз мелькнуло то, чего Екатерина не ожидала. Тень. Отражение. Словно инквизитор увидела в этой сцене нечто давно забытое. Собственного отца, быть может. Или дочь. Или ни то, ни другое.

Час спустя у ворот дома Морнивальсов стоял чёрный экипаж с гербом Чёрной стражи - не паук, не скорпион, а глаз, широко раскрытый, без века, без ресниц, зрящий в самую суть. Кaleb уложил саквояж. Екатерина, уже в дорожном плаще поверх прежней тренировочной одежды, держала на руках Миледи. Собачка дрожала, но не скулила - словно понимала, что сейчас не время для слабости.

Кaleb взял её за плечи. Развернул к себе.

- Я буду ждать, - сказал он. - У ворот Цитадели. Каждый день. Каждую ночь. Если что-то понадобится - передай весточку. Я пролезу. Я найду способ. Ты меня знаешь.

- Знаю, - она коснулась его щеки - грубой, в шрамах, тёплой. - Ты лучший друг, Кaleb. Самый верный. Не потеряй себя, пока меня не будет.

- Не потеряю.

Она села в экипаж. Корделия Вейл уже ждала внутри - молчаливая, неподвижная, как изваяние. Торбен и Сайлас заняли места на запятках. Кучер, чьё лицо скрывал капюшон, щёлкнул поводьями.

Экипаж тронулся. Колёса застучали по брусчатке, и дом Морнивальсов - чёрный, семиэтажный, с горгульями и драконом над дверью - начал отступать, таять, растворяться в тумане, как всё в Ноксуме. Екатерина смотрела в окно, пока последний шпиль не исчез из виду. Затем откинулась на сиденье, закрыла глаза и очистила мысли.

Пустота. Тишина. Гранит.

Она была готова.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.